

Ю.А. Щавлинский

ЭКСПЕКТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Анализируются профессиональные ожидания молодежи на основе социологических опросов учащихся высших и средних учебных заведений. Раскрывается влияние социокультурных факторов на формирование ценностного мира человека и его представлений о профессии как ценности и практике, особое внимание уделено изучению содержания ценностей профессии и профессиональной мотивации в сознании молодежи. Исследование показало наличие рассогласования профессиональных ожиданий современных россиян с объективными требованиями экономики, вызванного социокультурными особенностями транзитивного российского общества.

Важнейшим аспектом личностного развития и полноценной жизнедеятельности человека выступает его профессиональное самоопределение, которое в современном изменяющемся социуме столкнулось с рядом проблем как внешнего (на уровне общества), так и внутреннего (на уровне внутриличностного становления) порядка, требующих научного осмысления и практического решения. В социологическом плане развитие молодежи предстает как направленное изменение ее социальных качеств в процессе воспроизводства социальной структуры, т.е. как определенная направленность ее мобильности. В обыденном сознании молодого человека это выражается в стремлении достигнуть статуса представителей престижных для него групп.

Жизнедеятельность молодежи осуществляется в социальных условиях, которые таят в себе различные угрозы и риск. Современные общества – это динамично развивающиеся системы, преодолевающие один за другим этапы модернизации. Происходящие в них фундаментальные социально-экономические и социокультурные изменения направлены в сторону усиления неопределенности, неоднозначности явлений и процессов. Исчерпывающее познание действительности становится невозможным. Снижается возможность прогнозирования не только отдаленного, но и ближайшего будущего, что привносит неопределенность и нестабильность в жизнедеятельность вступающих в общественные отношения молодых людей. Прорыв к желаемым статусным позициям в условиях стремительно изменяющейся социальной реальности неизбежно становится для молодежи делом рискованным.

Главными чертами социальной ситуации в России является нестабильность, противоречивость жизни в настоящем, неопределенность в отношении будущего. Нестабильностью характеризуются многие общественные структуры, социальные институты, в которые включена (или включается) молодежь. Это относится и к системе образования, где каждый год меняется ситуация с платностью обучения и требованиями к знаниям абитуриентов; и к сфере занятости, где положение в течение рассматриваемого периода непрерывно ухудшалось; и в целом к затянувшемуся экономическому и политическому кризису в стране. Размытыми стали ценности и нормы, разнонаправленным – идеологическое воздействие.

Реформы в области труда и занятости ликвидировали бронирование рабочих мест для молодежи. Лица, впервые выходящие на рынок труда и не имеющие профессионального образования, утратили гарантию трудоустройства и оказались социально незащищенными. Именно в таких условиях приходится самоопределяться современным подросткам, выстраивая при этом перспективы своего собственного профессионального развития.

Важнейшим аспектом личностного развития и полноценной жизнедеятельности человека выступает его профессиональное самоопределение в современном изменяющемся мире. Определение его сущности является до сих пор во многом нерешенной задачей, характеризуется необычайно широким диапазоном точек зрения и поэтому обращение к данной проблеме занимает важное место в научном поиске философов, педагогов, психологов, социологов. В современных условиях профессиональное самоопределение личности (в особенности выпускников средних общеобразовательных заведений) во многом отражает содержание их духовных и нравственных ценностей, являющихся продуктом развития личности и предпосылкой ее дальнейшей

деятельности, и находится в неразрывной связи с самореализацией человека в других важных сферах жизни.

Профессиональный выбор, в отличие от профессионального самоопределения, затрагивающий лишь ближайшую жизненную перспективу, может быть осуществлен как с учетом, так и без учета отдаленных последствий принятого решения, и в последнем случае выбор профессии как достаточно конкретный жизненный план не будет опосредован отдаленными жизненными целями. Понятие «самоопределение» уже по своему звучанию предполагает самостоятельность человека, поэтому важно разобраться, каковы границы такой самостоятельности. Для теории и практики профессионального самоопределения важно выделить те «пространства выбора», в которых нередко оказываются самоопределяющиеся люди, которые не всегда сами могут осознавать «что» и «из чего» они вообще выбирают.

Мы стремимся выявить в самом общем виде некоторые особенности профессионального развития в свете теории рационального выбора, проанализировать, какой рациональный выбор возможен и какие ограничения обуславливают расхождения между поставленной целью и достигнутым результатом. В философском энциклопедическом словаре понятие «рациональность» определяется как способность человека мыслить и действовать на основе разумных норм, а в широком смысле рациональность – это соответствие деятельности разумным правилам, соблюдение которых является условием достижения цели.

Теория рационального выбора является одной из модификаций теории обмена. Это относительно формальный подход, в котором утверждается, что социальная жизнь в принципе может быть объяснена как результат «рациональных» выборов акторов. Одна из исходных предпосылок, на которых базируется теория обмена, это допущение, что в социальном поведении любого человека заложено некое рациональное начало, которое побуждает его вести себя расчетливо и постоянно стремиться к получению самых разнообразных «выгод» – в форме товаров, денег, услуг, престижа, уважения и т.д.

В истории человеческой культуры представления о рациональности изменялись. Если проблему рациональности рассматривать с точки зрения исторической ретроспективы, то помимо античного универсально-философского типа рациональности необходимо выделить и господствующий в средневековой Европе религиозный тип рациональности, подчиненный рациональному обоснованию веры и разумному объяснению религиозных догматов. Социальные нормы, господствовавшие в обществе, где велико влияние религии, заставляли людей интерпретировать профессиональную структуру в соответствии с религиозной идеологией. Профессиональная жизнь людей ограничивалась сословными традициями, патриархальным укладом общества: свободного выбора профессии не было.

Проблема профессионального становления стала актуальной с началом промышленной революции, которая привела к возникновению рынка труда и новых профессий. Огромные массы людей оказались перед проблемой поиска работы и профессиональной подготовленности к ней. Неклассическая научная рациональность оформилась в результате открытия теории относительности. Важным условием в деле достижения истины становится не исключение всех помех, сопутствующих достижению цели, а уточнение их роли и влияния. Неклассический тип рациональности учитывает динамическое отношение человека к реальности, в которой важное значение приобретает его активность. Субъект пребывает в открытых проблемных ситуациях и подвержен необходимости саморазвития при взаимодействии с внешним миром.

Классическое представление о рациональности тесно связано с идеалом научной объективности знания. В нем провозглашалась необходимость процедуры элиминации субъективных качеств человека, всего, что не относится к объекту. Классический идеал чистого разума не желал иметь ничего общего с реальным человеком. В модели классической рациональности место реального человека, мыслящего и чувствующего занимал абстрактный субъект познания. Современный кризис рациональности – это кризис классического представления о рациональности, отождествленной с нормой и жестко однозначным соответствием причины и следствия. Классический рационализм так и не нашел адекватного объяснения акту творчества, так как в процессе новых открытий рационального меньше, чем интуитивного и внерационального.

Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в совместной работе «Диалектика просвещения» представили концепцию развития современной западной цивилизации в результате просвещения – процесса эмансипации (от лат. *Emancipation* – освобождение) мышления и поведения человека от власти мифологии. В ходе данного процесса меняется отношение к миру и жизни: вытеснение

принципа веры принципом разума сопровождается развитием инструментальной рациональности, в основе которой лежит утилитарная полезность вещей.

Постнеклассическая рациональность показывает, что понятие рациональности включает в себя не только логико-методологические стандарты, но и анализ целерациональных действий человека. Возникает идея плюрализма рациональности. В качестве общей основы протестантской этики и духа капитализма М.Вебером представлена характерная для западной цивилизации в целом рациональность – отношение к миру с точки зрения целесообразности, полезности. Постнеклассический этап рациональности характеризуется соотносительностью знания не только с активностью субъекта и со средствами познания, но и с «ценностно-целевыми структурами деятельности». Человек входит в картину мира не просто как активный ее участник, а как системообразующий фактор. В контексте новой парадигмы субъект есть одновременно и наблюдатель, и активатор. В индустриальном обществе жизнь людей индивидуализируется, меньше регламентируются извне их действия. Предполагается, что члены общества должны рассчитывать на себя, рисковать, делать выбор и нести за него ответственность. Намечается движение по пути большей свободы человека (в выборе целей и средств их достижения), в связи с этим приобретает актуальность проблема рационального выбора. Люди обладают сознанием и свободой воли. Вопрос стоит только об условиях, которые ограничивают диапазон свободы.

Теория рационального выбора представляет собой научный подход, основанный на рассмотрении социального взаимодействия как процесса координации действий индивидов, стремящихся к достижению индивидуальных целей. Однако мы знаем, что принятие социальных решений, в том числе и выбора профессионального поприща, в жизни далеко не всегда осуществляется на основе глубокого изучения теории рационального выбора. Но в любом случае социально-экономическое, политическое, культурное развитие есть как бы итог реализации общих и частных целей, а значит это развитие организуется смысловым образом.

Рационализация жизнедеятельности людей привела к созданию производительной экономической системы, эффективного государственного аппарата, общедоступной массовой культуры (включая образование). В то же время инструментальная рациональность сводит человеческий разум к регистрации фактов, подбору средств для достижения цели и подавляет воображение и спонтанность мышления. Поэтому чем более рационален человек, тем он подчинен предписанным безличным и стандартным образцам поведения. В свое время еще К.Маркс утверждал, что мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие [1].

Развитие новых форм контроля приводит к тому, что мышление и поведение человека определяются технологической рациональностью – отношением к миру и собственной жизни на основе принципов функциональности, эффективности, управляемости. Г.Маркузе определил современное общество как общество комфортабельной несвободы, в котором действуют новые формы контроля [2]. Основная из них – потребление. Формой контроля становится также массовая культура, которая не просвещает, не вскрывает сущности явлений, а несет образы и идеи, не выходящие за пределы существующего порядка вещей.

С данной точки зрения, образование также является формой контроля. Помимо собственно учебной программы в процессе образования усваивается так называемая скрытая программа, т.е. происходит внедрение идей и поведенческих образцов, способствующих поддержанию существующего социального порядка. Современная система образования поощряет успешное усвоение практически полезных фактов и формул, т.е. знаний, обеспечивающих карьерный рост и жизненный успех. Тем самым образование культивирует инструментальную (технологическую) рациональность и одновременно с профессионализмом внедряет конформизм – установку на поведение, согласующееся с господствующими нормами [3].

Ориентации на труд в условиях складывающегося рыночного общества в нашей стране обладают рядом особенностей, главной из которых является трудность реализации такого выбора, в котором бы гармонично сочетались предпочитаемый вид труда, его оплата и престижность.

Заметим, что содержательно понятия «целенаправленное» и «целерациональное» действия различны. Целенаправленным действием или поведением будут являться осмысленные действия, имеющие определенный смысл, т. е. действие осуществляется с четким осознанием цели и возможностей ее достижения. Тогда нерациональным будет соответственно такое поведение, при котором действие не ориентировано на конкретный полезный результат, когда достижение того или иного полезного результата осуществляется неадекватным способом. Таким образом,

целерациональное действие характеризуется ясностью и однозначностью осознания действующим субъектом своей цели, соотношенной с рационально осмысленными средствами, обеспечивающими ее достижение. Причем рациональность цели удостоверяется двояким образом: с точки зрения, как рациональности ее собственного содержания, так и целесообразности избираемых средств.

Но когда дело касается человеческого выбора, будь то индивидуальный или выбор социального субъекта большей степени общности, он не может быть «насквозь» рациональным: в нем всегда присутствует стремление к цели как к ценности. Таким образом, рациональность изначально ограничена иррациональной заданностью ценности, подчиняющей себе рациональное действие, которое становится ценностно-рациональным.

Мы не будем останавливаться на рассмотрении ценностей, определяющих тот или иной выбор социального субъекта. Нам важно другое. Во-первых, «двухаспектность» процесса рационализации: один аспект представлен формальными, техническими или даже технологическими приемами рационального действия, тогда как другой охватывает содержательно-ценностные, этические смыслы. И, во-вторых, момент, известный со времен Т. Парсонса: одной из основных характеристик понятия рациональности является субъективность. Субъективный момент рационального выбора усиливает и то, что социальному субъекту не могут быть известны в полной мере все последствия предполагаемого выбора. Поэтому всегда присутствуют некоторая неопределенность и субъективность, встроенные в систему выбора. Дело усложняется, когда речь идет о «коллективном» или «совокупном» выборе, при котором требуется сочетание, согласование интересов многих субъектов. И мы заходим в тупик, когда сталкиваемся с проблемой, состоящей возможно в лучшем сочетании не согласующихся предпочтений членов общества для определения компромиссного предпочтения общества в целом.

Ясно, что элемент субъективности рационального выбора и действия высок, что в жизни мы чаще имеем дело со смешанными действиями: цель может быть рациональной, но средства ее достижения будут выбраны вовсе не рациональным способом или наоборот. Если выразиться предельно просто, то сказанное означает не что иное, как следующее: сколько социальных субъектов, столько и рациональных выборов.

Рациональный выбор возможен (как и рациональное действие) только тогда, когда действующее лицо обладает достаточными финансовыми, информационными и материальными ресурсами. Если этих ресурсов недостаточно, то мы имеем дело с материальными ограничениями. Следует отметить, что каждый выбор и решение сталкиваются с временными ограничениями: иными словами, выбор должен быть сделан в определенный промежуток времени. И, наконец, ограничения формальные и неформальные. Формальные ограничения в принятии решений связаны прежде всего с нечетким правовым регулированием. К неформальным, по всей видимости, следует отнести различные переменные группового и общественного характера: такие как престиж, власть, образованность, деньги и др. Как видим, значение факторов, которые трудно поддаются или вовсе не поддаются точному учету, достаточно велико. Получается, что точно зафиксировать их практически невозможно, но, вместе с тем, чем в большей степени учитывается система «случайных» факторов, тем ближе будут выводы теории рационального выбора к реальному положению дел. Существует множество концепций: от теории социальных ролей до теории эгоизма, которые привносят в теорию рационального выбора массу неопределенных социальных компонентов [5].

Но существует и мнение, что поскольку случайные, неопределенные (но вместе с тем во многом влияющие на мотив, постановку цели и средства ее достижения) факторы представляют собой массив, который невозможно учесть, то рациональность выбора будет ограниченной и не адекватной действительности. Однако стремление всех индивидов к максимизации индивидуальной выгоды может привести к ситуации, в которой возникает конфликт между индивидуальной и социальной рациональностью. Возникает социальная дилемма, при которой индивидуально рациональные действия приводят к социально иррациональным последствиям. Сугубо актуальным является наличие так называемых «ловушек рациональности», когда сугубо рациональная стратегия индивидуального действия ведет к коллективной социальной иррациональности.

Рациональность выбора определяется оптимальностью стратегии поведения. Индивид выбирает из фиксированного набора возможных вариантов действий (альтернатив) тот вариант, который даст наилучший результат. Социальные нормы ограничивают выбор, сводя альтернативы к социально одобряемым действиям, и ориентируют участников взаимодействия на поддержание собственной репутации, т.е. на сохранение доверия к ним со стороны партнера по

взаимодействию. Таким образом, рациональным может считаться выбор не в пользу индивидуального интереса, а в пользу позитивного мнения других.

В качестве ситуации рационального выбора, провоцирующей социальную дилемму, можно представить и взаимодействие в сфере образования. Ю.А. Чеботарев утверждает, что хотя реформа образования в России и проходила под лозунгами гуманизма, демократии, развития индивидуальности (что соответствовало ценностям российской образовательной системы), но параллельно разворачивающиеся рыночные реформы экономики потребовали переориентации всей системы образования страны на принцип прагматизма, который определяет выход на первый план для индивида и для органов управления оценки экономической целесообразности того или иного направления образовательной подготовки. Это рационализирует цель образования, очищает ее от нравственных и историко-культурных примесей и подводит образовательную деятельность под универсальный стандарт любого вида экономической деятельности [7]. И с этим мнением нельзя не согласиться.

Люди не всегда руководствуются соображениями оптимальности стратегии. Зачастую они следуют ценностям, моральным нормам, обычаям, связанным с принадлежностью к общности – возрастной, культурной, этнической, гендерной и т.п. Любой выбор и принятие любого решения сталкиваются с разного рода ограничениями. Следовательно, на смену строго регламентированному выбору рода занятий, имевшему место в традиционном обществе, приходит рационально обусловленный выбор, подчиненный предписанным безличным и стандартным образцам поведения.

Интересными, хотя и нетрадиционными для теории и практики профконсультирования являются выделенные еще К.Г. Юнгом архетипы. Сам «архетип» определяется как коллективное бессознательное. К.Г. Юнг выделяет сознание, личное бессознательное и коллективное бессознательное («архетипы» как некие мифологические фигуры, образы, усредненный опыт переживаний многих поколений, который в процессе истории повторяется там, где свободно проявляется творческая фантазия данного человека). При этом «каждый шаг к более высокой сознательности», означает отдаление человека от общего бессознательного толпы, но одновременно делает его более одиноким, непонятым и часто вызывает сомнения и подозрения со стороны обычных людей. Иными словами прорыв бессознательного (в частности, коллективного бессознательного) может расширить возможности самоопределения человека в мире, но может и осложнить для него жизнь.

Нами была предпринята попытка изучения мотивации выбора профессии и учебного заведения учащимися Шахтинского кооперативного техникума коммерции, бизнеса и права. Опрошено 100 респондентов в возрасте 17-19 лет (2/3 опрошенных составляли девушки, остальную часть – юноши). Обоснование выбора профессии представлено следующей оценочной шкалой:

- у меня есть склонность к этому виду деятельности;
- данная профессия поможет мне приобрести достойный социальный статус;
- посоветовали родители;
- повлиял авторитет отдельных личностей, представляющих данную профессию;
- работа по данной профессии может обеспечить меня материально;
- посоветовали друзья и сверстники.

Можно отметить, что в выборе профессии большое значение имеют интерес к ней, индивидуальные способности и склонности к данному виду деятельности (23,8 балла). Начало профессионального обучения предполагает наличие состоявшегося субъекта выбора профессии, характеризующее степень зрелости личности. По мере продвижения профессиональной подготовки представление о профессии формируется и развивается в перспективе целостного жизненного пути индивидуума. Значительная часть респондентов призналась, что на выбор профессии решающее влияние оказали другие лица – родители (15, 9 балла) или знакомые, работающие по данной профессии (14,3 балла), что свидетельствует о несформировавшейся собственной профессиональной идентичности.

Среди мотивов выбора существенна доля таких, как социальный престиж профессии (22,2 балла) и высокий заработок (14,3 балла). Как известно, престижность является важнейшим фактором профессионального выбора. Сама «престижность» определяется степенью уважения к данному объекту, а также предполагаемым влиянием человека, овладевшего данным объектом или данной деятельностью. В большинстве случаев молодой человек выбирает профессию не столько потому, что его привлекает именно содержание труда, молодой человек скорее выбирает

определенный образ жизни, где профессия – это лишь одно из средств зарабатывать и строить определенный, «престижный» образ жизни.

Причины, по которым было выбрано именно данное учебное заведение, расположены респондентами по следующей оценочной шкале:

- престижное учебное заведение;
- хороший преподавательский состав;
- достаточно легко поступить;
- недалеко от дома;
- мнение родителей;
- здесь учатся друзья.

Наибольшее количество баллов набрали такие факторы как хороший преподавательский состав (52 балла) и престижность учебного заведения (49,2 балла). Далее среди аргументов следуют: «легко поступить» (12,7 баллов) и «недалеко от дома» (11,1 балла). Определенную роль при выборе учебного заведения сыграло мнение родителей (6,3 балла) и друзей (3,2). Таким образом, явно наблюдаются притязания учащейся молодежи к уровню и качеству образования. Анализ ответов на вопрос о планах на будущее показал, что 20% респондентов желает работать по выбранной специальности. 28% сомневаются в том, что они смогут найти работу по специальности, но не отказываются работать по ней. 30% собираются работать по специальности и продолжать обучение в высшем учебном заведении. И только 2% респондентов на этот вопрос ответили отрицательно. Все это позволяет надеяться на пополнение кадров специалистами, получившими специальную профессиональную подготовку.

Нами так же была предпринята попытка изучения мотивации выбора специальности и учебного заведения у студентов Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса. Использовался метод случайной выборки. Опрошено 150 респондентов, из них 100 – студенты, обучающиеся на специальностях экономического факультета, 50 – студенты специальности «Социальная работа». Преобладающий возраст опрошенных респондентов 17-19 лет. 2/3 аудитории составляли девушки, остальную часть – юноши. Анализ результатов, проведенных исследований позволил сделать вывод, что многие (59%) выпускники школ пытаются поступить в вуз ради высшего образования «вообще» (среди студентов экономического факультета – 63%, среди социальных работников – 54%), и только треть опрошенных желали приобрести именно эту специальность.

Тенденция получения любого высшего образования явно прослеживается у студентов первого курса (73%). А вот среди студентов третьего курса больше половины (65%) заявили, что они желали приобрести именно эту специальность. Это может быть истолковано как профессиональная самоидентификация за годы обучения в вузе, что подтверждают и частные беседы со студентами.

Стоит обратить внимание также на то, что очень небольшой процент студентов, обучаясь в вузе, ценят то, что он академический, и все те возможности, которые перед ними открываются: квалифицированный преподавательский состав, предоставление аспирантуры, возможность научной деятельности.

Причины, по которым был выбран именно ЮРГУЭС расположены респондентами по следующей оценочной шкале: 62% – легче всего поступить; 22% – недалеко от дома; 10% – престижный вуз; 5% – хороший преподавательский состав; 1% – этот вуз окончили родители.

Анализ ответов на вопрос о планах на будущее показал, что всего лишь треть респондентов экономического факультета (33%) твердо собираются работать по выбранной специальности. Почти половина опрошенных студентов (52%) сомневаются в том, что они смогут найти работу по специальности. И только 15% респондентов на этот вопрос ответили отрицательно. Более 60% опрошенных студентов специальности «Социальная работа» высказали намерение в будущем работать по специальности. Опрос показал, что студенты специальности «Социальная работа» ориентированы не только на практическую деятельность в социальных службах, но и на сферу науки и образования – 30% опрошенных изъявили желание продолжить обучение в аспирантуре. Около 35% опрошенных студентов сомневаются, но не отказываются продолжить дальнейшее обучение.

Больше половины респондентов экономического факультета (60%) не хотят поступать в аспирантуру, так как в настоящее время в стране сложилось мнение о том, что наука и все, что с ней связано, бесперспективно: труд учёных не оценивается должным образом. Поэтому новое поколение экономистов, скорее всего, предпочитает работать не в науке, а в коммерческих

структурах. Но примерно треть опрошенных (32%) еще не знает, что они выберут, так как для этого нужно не только желание, но и средства.

Данные исследования показывают, что социальная ориентация молодежи на вхождение в слой специалистов продолжает быть первичной по отношению к профессиональной. Студенты осознают, что от уровня образования зависит их будущее: заработок, образ жизни, социальный статус и т.д. Движение индивида вверх или вниз по шкале социального престижа становится в прямую зависимость от уровня его образования.

Преобладает инструментальное отношение к высшему образованию, когда основным критерием является рыночная востребованность профессии, а такие факторы как академический статус вуза или квалифицированный преподавательский состав сколько-нибудь заметной роли не играют. Образование воспринимается как необходимое условие получения работы, необязательно по изучаемой специальности.

Таким образом, можно сделать вывод, что образование все чаще воспринимается как необходимое условие получения работы, необязательно по осваиваемой специальности. Явно наблюдаются притязания учащейся молодежи к уровню и качеству образования. В большинстве случаев молодежь выбирает профессию не столько потому, что его привлекает именно содержание труда, а скорее выбирает определенный образ жизни, где профессия – это лишь одно из средств зарабатывать и строить определенный образ жизни.

Таким образом, представляется неверным понимание самоопределения как «определение относительно самого себя». Понятие самоопределения предполагает наличие не только самого процесса и включенного в него субъекта, но и некоторого пространства или некоторых пределов, относительно которых или в которых самоопределение происходит. Рациональный выбор возможен только тогда, когда действующее лицо обладает достаточными финансовыми, информационными и материальными ресурсами. Социализация современного молодого человека сопровождается развитием инструментальной рациональности, в основе которой лежит утилитарная полезность вещей. В постиндустриальном обществе жизнь людей индивидуализируется, меньше регламентируются извне их действия. В то же время происходит развитие новых форм контроля: потребление, массовая культура, образование. Социальные нормы ограничивают выбор, сводя альтернативы к социально одобряемым действиям. Таким образом, рациональным может считаться выбор не в пользу индивидуального интереса, а в пользу позитивного мнения других.

Обусловленность выбора профессии объясняется не столько ориентацией на ту или иную профессию, сколько направленностью личности на желаемое для себя социальное положение в обществе и поиском путей его достижения с помощью избираемой для этого профессии.

Итак, любой выбор и принятие любого решения сталкиваются с разного рода ограничениями. Следовательно, на смену строго регламентированному выбору рода занятий, имевшему место в традиционном обществе, приходит рационально обусловленный выбор, подчиненный предписанным безличным и стандартным образцам поведения. В связи с этим перед обществом, стоит довольно сложная задача – исправить идущие вразрез с потребностями экономики страны и общества отношение к некоторым профессиям и сформировать новое.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
2. *Маркузе Г.* Одномерный человек // Американская социологическая мысль. М., 1994.
3. *Иванов Д.В.* Социология: теория и история. СПб, 2006.
4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
5. *Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М., 1996.
6. *Чеботарев Ю.А.* Трансформация культурного своеобразия российского образования в условиях социальной транзисии. Автореф. Дис. ... докт. Социол. Наук: 22.00.06. Ростов н/Д, 2005.

22 июня 2007 г.

Е.Л. Шилкина

РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: НЕ «ГОРИЗОНТАЛЬ», НЕ «ВЕРТИКАЛЬ», А «СИСТЕМА»

Проанализированы возможности и особенности демократических преобразований в сложном многосоставном российском обществе, где каждый регион и муниципалитет, как правило, не являются культурно-однородными, ценностно-гомогенными. Показано, что «западность» или «незападность» не определяют демократию как общественно-политический строй, который предполагает полиархичность власти, минимальное осуществление насилия по отношению к населению, согласие элит, наличие не более двух-трех основных политических партий. Существующий в общественном сознании спор относительно того, что «лучше» во власти: сильная «вертикаль» или сильная «горизонталь», нерационален. Для России как сложного многосоставного общества речь должна идти о многоуровневой системе власти с сильными «горизонталями» и «вертикалями». В России процесс демократизации проходит в условиях замкнутого центра, противоречий между элитами, тяготения к насильственному характеру преобразований, недостаточного учета традиций и коллективных представлений.

Демократия – влиятельнейшая политическая идея XIX в., стала в XX в. геополитической реальностью, превратившись (формально или неформально) в преобладающий в мире тип политического устройства. С легкой руки А.Токвиля (после выхода в свет его двухтомника «О демократии в Америке – 1835-1840 годы») демократия становится предметом эмпирико-социологического изучения. В разных странах при разных режимах неотъемлемыми элементами демократии признавались избирательное право (более или менее всеохватывающее), разделение властей, самоуправление, национальное самоопределение, светский характер государства и пр.

Формальность и нестабильность самой демократии в различных экономических, социокультурных условиях – предмет серьезного анализа ученых. Думается, что относительно сегодняшней России вести споры на тему, есть ли у нас демократия или ее нет, непродуктивно. Несомненно, есть. Но насколько, по каким параметрам она формальна, по каким нестабильна – этот вопрос достоин серьезного углубленного исследования. Более того, единой, годной для всех модели демократии быть не может. Государственно-национальные сообщества не похожи как в своем восприятии одних и тех же демократических институтов, так и в их использовании.

Феномен политической культуры относится к набору переменных, и его объяснительные возможности – предмет особый. Но если политическую культуру понимать широко: как совокупность политических и околополитических ценностей, идеалов и пр., свойственных всему многоликому обществу, то ясно, что унифицированная, одинаковая для всех социальных групп и слоев система ценностей – величайшая редкость, а, возможно, и нереальность. Тогда и какой-то тип отношений к власти со стороны подвластных в чистом виде тоже нереален. Приверженность традициям, вера в справедливость власти, стремление иметь как можно более совершенные законы, присущи сегодня различным обществам, правда, в различных соотношениях. Еще более усложняют ситуацию особенности динамики массового сознания, например, определенная цикличность изменений массового ценностного сознания в зависимости от политики государства и самого лидера государства. Л. Столяренко выделяет следующие стадии общераспространенных установок людей относительно своего политического лидера (президента): «1) на первой стадии лидер воспринимается «сильным», нация благополучной, а враги – «припертыми к стенке»; 2) со временем формируется мнение, будто внутренние проблемы в стране угрожают национальной мощи, лидер не справляется с этими проблемами, что может привести к нестабильности и опасной ситуации; 3) стадия «крушения» часто начинается с определенного события, которое рассматривается как крушение прежних ценностей и неспособность лидера предотвратить это. Центральным для масс в данный период является вопрос: «Может ли беспомощный лидер защитить свой народ от возможных катастроф?»; 4) и, наконец, на стадии перемен нация ищет выход из невыносимой ситуации через «борьбу за свободу», которая может означать начало войны или угрозу ее начала» [1, с. 86].

Унифицированные ценностные состояния сознания вообще нереальны, а для сегодняшней России практически немислимы. Приведенные выше стадии динамики ценностных установок являются универсальными лишь в самом общем смысле: во-первых, эти процессы протекают по-разному в разных регионах; во-вторых, постсоветская децентрализация, суверенизация снизили

ценностную значимость Центра и усилили значимость региональных, муниципальных и других местных структур управления. А это значит, что Россия – общество «разнородное». Только Северо-Кавказский экономический район Российской Федерации включает в себя 7 республик (Дагестан, Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую, Адыгею, Северную Осетию – Аланию, Ингушскую и Чеченскую), 2 края (Краснодарский и Ставропольский) и одну область – Ростовскую. Исторически к региону тяготеет Республика Калмыкия. На Северном Кавказе проживает 17,7 млн человек [2]. Не отрицая наличия сложившейся в историческом процессе определенной этнокультурной общности Северного Кавказа, все-таки сложно дать оценку его разнородности в социокультурном плане. Но можно утверждать, что степень различий высока как в социальноэкономическом и культурном аспектах, так и по отношению к массовому ценностному сознанию: оно неоднородно, дифференцировано.

Идея о том, что *демократия не обязательно требует для своего укоренения высокой степени однородности общества с точки зрения ценностей*, восходит к работе Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура». Их концепция «гражданской культуры» оригинальна в том, что описывает в одной системе категорий как «просвещенскую» демократию, которая признается реальной составляющей демократического режима, так и то, что долгое время считалось простым отклонением от нее: шла ли речь о «западном ядре» или о «новых демократиях». Г. Алмонд и С. Верба обнаружили «не-Запад» в политических отношениях не только «незападного мира», но и «внутри» Запада, где он существует в виде значительных «отклоняющихся» сегментов, интеграция которых в демократическую систему необходима для ее стабильности.

А. Лейпхарт в работе «Демократия в многосоставных обществах» обосновывает, что «западность» или «незападность» не определяют демократию как политический строй. В решающей мере определяют ту или иную модификацию демократического устройства особенности совокупности взаимодействия этнических, религиозных и культурных общностей. А. Лейпхарт считает, что многосоставность обществ – более распространенное явление, чем гомогенность. Он пишет, что «социальная однородность и политическое согласие рассматриваются как необходимые предварительные условия или факторы, в значительной степени содействующие стабильной демократии. И, напротив, глубокие социальные противоречия в многосоставных обществах считаются причиной нестабильности и провалов демократий» [3, с. 35]. И добавляет, что существует не аномальная, а особая форма демократии – общественная, «которая заставляет внести следующую поправку в сформулированное выше положение: достичь и поддерживать стабильное демократическое правление в условиях многосоставного общества *хотя и трудно, но все-таки возможно*. При общественной демократии центробежные тенденции, присущие многосоставному обществу, уравниваются установками на взаимодействие и соответствующим поведением лидеров различных сегментов общества» [3, с. 36].

Думается, что все, наработанное западной наукой относительно развития многосоставных обществ, чрезвычайно актуально для России. Ведь Россия – общество, разделенное «сегментарными» различиями по самым разнообразным признакам: религиозным, идеологическим, региональным, этническим и др. Дальнейшая характеристика многосоставных обществ подразумевает, что политические партии, группы интересов, средства коммуникации, школы, добровольные объединения имеют тенденцию к организации по линиям, повторяющим контуры существующих внутри общества границ. Группы населения, выделяемые на основе этих различий, и образуют сегменты многосоставного общества.

Несмотря на то, что само содержание понятия «демократия» не поддается более-менее конкретному определению, можно выделить, как минимум, два признака, несомненно, присущих демократиям. Во-первых, это *полиархичность власти*; во-вторых, *минимальное осуществление насилия по отношению к населению*. Не требует особых обоснований мысль, что такой институт, как самоуправление, в любой политической системе является самым демократичным по сравнению с другими институтами власти.

Что касается полиархичности власти, то интересно (это отмечает А. Лейпхарт) сопоставление обществ с низким, средним и сильным сегментарным разнообразием. В исследовании 114 политий Р. А. Даль отмечает, что 58% из политий с низким уровнем субкультурного многообразия являются полиархиями или близки к ним. Среди политий со средним уровнем многообразия полиархии составляют лишь 36%. Из тех, в которых многообразие характеризуется как сильное или экстремальное, в этот разряд попадают лишь 15%. Раскол общества, политическая нестабильность, порождая вспышки насилия, снижают демократичность общества. Но Австрия,

Бельгия, Нидерланды, Швейцария являются примерами успешной, стабильной демократизации в многосоставных обществах. Вместе с тем исследователи отмечают, что *малые территориальные страны легче, успешнее устанавливают демократические режимы*. Это происходит в основном потому, что в них более легко устанавливается «согласие элит», чему также способствует внешнеполитический статус малой страны. Поэтому, как бы положительно ни воспринималась массовым сознанием оппозиционность элит по горизонтали и вертикали, она *в принципе не может способствовать развитию федерализма и демократии*.

Помимо оппозиционности элит и всего, что с этим связано, еще один момент имеет важнейшее значение: ни о каком переносе западного опыта демократии не может быть и речи, ибо Россия в анализируемом нами аспекте имеет свои особенности. Мы имеем в виду следующее. Можно ли назвать Россию многосоставным обществом? Безусловно, да. Достаточно ли этого определения? Думается, нет, поскольку Россия – *сложное многосоставное общество*, где каждый сегмент, будь то субъект Федерации или регион, также, как правило, является многосоставным. Отсюда и консолидация, согласие элит в России – феномен, имеющий сложнейшую структуру как по горизонтальным, так и по вертикальным осям. Поэтому для России, как ни для какого другого общества, чрезвычайно важно конструирование совокупности методов, моделей и технологий упорядочения общественных отношений путем организации власти и через власть. На первый взгляд и в самом общем виде процесс названного конструирования должен включать в себя *конкретные, правовым образом закрепленные отношения между а) социальными группами (населением) и их лидерами; б) между представителями местной власти по горизонтали; в) между представителями региональной власти по горизонтали; г) между субъектами Федерации на уровне властных структур; д) между представителями местной, региональной власти, а также между властными структурами субъектов Федерации и федеральной, центральной властью*.

Вряд ли правомерны ставшие сегодня такими популярными споры о том, что для России лучше: сильная вертикальная власть и горизонтальные властные «связки». В настоящее время речь должна идти о *системе* власти в России, о функциональной состоятельности каждого из элементов этой системы. А коли речь с необходимостью идет о *системе*, ее *структурных элементах* и соответственно *функциях*, то это – уже давно разработанные методологии, согласно которым (и это общеизвестно) сильные горизонтальные связи и функционально адекватные взаимодействия необходимы для того, чтобы вообще была возможна какая бы то ни было властная «вертикаль».

Вертикаль без сильной горизонтали – это дестабилизация, стагнация системы, ее распад. Если же на фоне сильных, слаженных горизонтальных связей необходимость вертикальных связей становится неощутимой, незначительной, воспринимается «горизонтальными субъектами» как помеха, тогда система на пути к дезинтеграции. Мы вкладываем различное содержание в понятия «дестабилизация» и «дезинтеграция». В данном контексте понятие «дестабилизация» употреблено для того, чтобы высветить несостоятельность для обеспечения процессов саморазвития и сохранения системы сильных связей между ее элементами по вертикали, когда связи между элементами по горизонтали менее существенны, слабы. Тогда возможен распад системы, а также и социентальных систем, входящих в нее. А понятие «дезинтеграция» в данном случае обозначает разрушение суперсистемы при сохранении социентальных систем. Именно поэтому актуальнейшей проблемой теории и практики развития нашей страны являются не вопросы «полезности» горизонтальных или вертикальных властных отношений, а, повторимся, проблемы *конституирования российской власти как сложной, многоуровневой системы, адекватной сложному многосоставному обществу, каким является Россия*.

Не следует забывать и иные мнения о детерминациях в сложных современных обществах. Мы имеем в виду идеи М. Кастельса о том, что характерным признаком современных сложных обществ является доминирование социальной морфологии над социальным действием. Он обосновывает наличие в обществе сетевых структур, что влечет «за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти» [4, с. 495]. М. Кастельс относит институциональное воплощение общества сетевых структур к буржуазному, развитому капиталистическому обществу, хотя и отмечает, что сетевая форма социальной организации существовала и в иные времена. Сетевая структура, по его мнению, представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов и потоков, каждый из которых имеет свое конкретное содержание. Это – рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные

центры, уличные банды и финансовые учреждения, занимающиеся отмыванием денег, это телевизионные каналы, студии, журналистские бригады и т. п. Эти множественные сети, с точки зрения М. Кастельса, представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, «если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи)» [4, с. 497]. Именно особенности коммуникационных ходов делают отношения между сетями и узлами гибкими или же недоступными.

С одной стороны, концепция «сетевого общества» является как бы новым взглядом на источники и особенности развития социальных систем, но, с другой стороны, несомненно, это развитие структурно-функционального подхода к сложным информационным обществам. Думается, его применение для исследования многосоставных обществ вполне целесообразно. Наш взгляд, сетевая структура общества существовала всегда, просто в условиях информационной эры она институционализируется, делая наглядной замкнутость одних сегментов общества, открытость и динамичность других, причем как замкнутость, так и открытость не есть следствие «равнодействующей интересов групп и слоев» или иных социальных субъектов.

Поэтому, если подходить к власти как системе, определенной «системой сетей», то можно утверждать, что идеальное распределение функций между элементами системы или подсистемами недостижимо. Несмотря на это, в деле разделения и согласования функций можно достичь значительных успехов. А. Лейпхарт отмечает, что «в современных специализированных системах, прототипом которых является англо-американская демократия, существуют некоторые структуры, функции которых четко определены и которые стремятся играть регулирующую роль в выполнении данной функции в рамках политической системы в целом», и далее, ссылаясь на С. М. Липсета, отмечает, что «если общество раздирается острыми противоречиями, а институциональные связи и ориентации индивидов замыкаются исключительно внутри определенных сегментов общества, то в нем не будет места разнонаправленному давлению, столь необходимому для политической умеренности и стабильности» [5, с. 495].

Таким образом, вопросы конституирования российской власти как сложной, многоуровневой и адекватной российскому сложному многосоставному обществу системы напрямую связаны с вопросами *стабильности демократии как таковой*.

Теперь несколько слов о воспевании сегодняшнего политического плюрализма: ведь, действительно, наличие огромного множества политических партий и движений воспринимается в современном общественном сознании как несомненное завоевание демократии. И нигде не ставится вопрос: показана ли демократия политическому плюрализму? И вообще является ли наличие несметного множества политических партий и движений атрибутом демократических систем или нет? И наоборот: показан ли демократии политический плюрализм или он ей противопоказан?

Этот вопрос исследовали многие ученые, в том числе М. Дюверже и З. Нойман, которые подчеркивают тесную взаимосвязь между количеством партий и уровнем стабильности демократии. Двухпартийная система, отмечает М. Дюверже, не только выглядит наиболее соответствующей порядку вещей, поскольку способна адекватно отразить естественную раздвоенность общественного мнения, но также потенциально стабильнее, чем многопартийная, поскольку она более умеренна. В первой обнаруживается «снижение степени политических расхождений», что ограничивает партийную демагогию, тогда как во второй происходит «углубление политических расхождений», имеет место интенсификация противоречий, сопровождающаяся общей радикализацией общественного мнения. Аналогичным образом З. Нойман утверждает, что многопартийная система, в отличие от двухпартийной, не обладает «объединяющей и централизующей силой» и соответственно «не содержит четкой перспективы эффективной политической структурализации общества» [3, с. 48]. Есть серьезные основания полагать, что многопартийность, присущая современной России, — явление временное, своеобразная «болезнь роста», промежуточная стадия политического процесса, которая сменится значительно менее «разноперым» набором политических альтернатив.

Что же касается так называемых «развивающихся» стран, то относительно возможности утверждения в них стабильных демократических режимов в зарубежной науке сложился в целом пессимистический взгляд. Вместе с тем по поводу конституирования системы власти в обществе, состоящем из множества социокультурных сегментов (будь то этносы или, как у нас, регионы, субъекты Федерации), есть, по меньшей мере, два концептуальных подхода. Мы попытаемся на основе исследования А. Лейпхарта сгруппировать взгляды ученых по вопросам возможности

стабильных демократических режимов в нестабильных развивающихся многосоставных обществах, причем работы многих из этих мыслителей не переведены на русский язык [3].

Различие двух концептуальных позиций, а возможно, и их противоположность, состоит в признании или непризнании для конституирования и стабилизации демократической системы власти такого фактора, как этническая неоднородность общества, его полиэтничность. В настоящее время Россия, как и очень многие развивающиеся страны, особенно в Азии, Африке, Южной Америке, отягощена политическими проблемами, вызванными глубокими противоречиями между сегментами общества и отсутствием объединяющего консенсуса. В специальных исследованиях по проблемам демократизации это обстоятельство трактуется по-разному.

Такие ученые, как У. Коннор, К. Гирц, Дж. С. Фернивал, ставят вопрос полиэтничной, субкультурной многосоставности обществ во главу угла. Дж. С. Фернивал замечает, что в многосоставном обществе, разделенном на сегменты, общности хотя и существуют на единой территории, но духовно и социально удалены друг от друга, это как бы «мозаичное» общество. Именно этой мозаичностью объясняется такая особенность незападной политики, как поражения демократии: многосоставное незападное общество оказывается неспособным сохранить демократические принципы правления, оно может поддерживать свою целостность, но недемократическими методами.

С одной стороны, духовно и социально удаленные друг от друга сегменты общества свободны и независимы друг от друга, а с другой – оказывается невозможным сохранить демократические принципы правления. Эти, на первый взгляд, парадоксальные мысли перекликаются с идеями, высказываемыми некоторыми исследователями постиндустриального общества. А. Этциони, представитель коммунитарной парадигмы, рассуждая о том, как свобода личности возможна и необходима справедливому обществу, отмечает, что если человека лишить коллективных, официально одобряемых ориентиров, то у него остается крайне мало атрибутов, которые индивидуалистическая парадигма обычно ассоциирует с понятием совершенно свободной личности. То же самое и с социальными субъектами большей степени общности. Он пишет: «Наибольшая опасность грозит автономии тогда, когда члены общества оказываются без социальных «якорей». Разобщение людей, равно как и распад общества на толпы, результатом чего является утрата индивидуумом своей личности и своей ценности, всегда вели к формированию социентарных условий, выливавшихся в тоталитаризм, другими словами, в жесткое ограничение независимости личности» [5, с. 332-333].

Далекий от коммунитаризма английский философ и этик А. Макинтайр, разрабатывающий основы критики всей системы социально-политических дискурсов, анализируя демократическую личность, говорит о том, что она ставит во главу угла свое «потребительское» и «терапевтическое» отношение к действительности. И если власть не вмешивается в эти отношения, то демократическая личность готова служить любым властно-управленческим структурам. Такое служение «освящается» идеологемами индивидуального и социального выбора. Это приводит к резкому сужению сферы рационального поведения индивидов. Далее А. Макинтайр высказывает суждения относительно того, что маргинальность становится универсальной характеристикой общества, а не его отдельных социальных групп. В таком случае вся система базовых понятий демократии (гражданское общество, государство, рынок, бюрократия, права человека, рациональность, толерантность, консенсус и т. п.) становится комплексом юридических и политических фикций, не отражающих социальную действительность [6, с. 131].

Д. С. Милль также обосновывает губительность отсутствия единого общественного мнения для демократического сообщества. Именно поэтому свободные институты невозможны на многонациональной территории, так как демократическую деятельность представителей власти будут сковывать отсутствие единого общественного мнения, разноязычие и др. М. Г. Смит высказывается в рамках данного подхода более категорично: он обосновывает необходимость, более того – неизбежность доминирования одной из социокультурных групп. Многосоставность общества с необходимостью требует поддержания политической стабильности способами принуждения и силовыми методами. *Консенсус, однородность культуры, гомогенность общества – необходимые предварительные условия для демократических форм политического управления.* Эта гомогенность в незападных обществах, по мнению исследователей, возможна лишь при установлении отношений господства-подчинения между социокультурными группами, иначе они распадаются на отдельные территории. Эти взгляды развивает также и Л. Байндер, который

утверждает, что попытки установления демократии в многосоставных обществах «незапада» малоуспешны потому, что не удастся создать консенсус такого уровня и масштаба, которые позволяли бы объединить людей в нацию.

То же следует и из взглядов С. П. Хантингтона, утверждающего, что политическая модернизация подразумевает замену множества традиционных, религиозных, семейных и этнических центров политического влияния авторитетом *единой* светской общенациональной политической власти. Иными словами, гомогенность, которая является условием воплощения демократических форм правления в жизнь, достигается путем создания *целостной* (среднеарифметической) нации. Этот процесс – национальное объединение – должен стать приоритетной задачей для руководителей развивающихся стран. Вот и в России сегодня идет поиск интегрирующей общество национальной идеи, вокруг которой возникают много споров, разговоров, действий и движений. Частично в недавнем прошлом нашей страны таковой была идея коммунизма, и практически уже чуть было не сложилась гомогенная общность – «советский народ».

Другой подход к изучению проблем общественного развития опирается на идею «*Центр-периферия*». Э.Шилз называет Центром тот сегмент общества, где сосредоточена власть, а периферией, глубинкой – те территории, над которыми эта власть осуществляется. Это модель политического, социокультурного, ценностного доминирования Центра над периферией. Э.Шилз говорит, что консенсус центральной и периферийных элит необязателен, что достаточно чувства единства, основанного на едином отношении к ценностям Центра, что правящий класс может быть относительно сегментированным без вреда для общих интересов. Думается, что то, о чем говорит ученый, весьма противоречиво по отношению к демократическим ценностям, хотя бы к таким, как минимальное насилие по отношению к населению и полиархичность власти.

На конференции ЮНЕСКО по проблеме образования национальных государств, состоявшейся в 1970 г., все участники согласились с мнением, что концепция «Центра-периферии» полезна в качестве средства описания и моделирования, но критиковалась ограниченность возможностей ее применения на практике по отношению к обществам с региональными и культурными противоречиями [3].

Но Э.Шилз вполне определенно указывает, что центральные элиты могут быть «сегментированными», но непременно необходимым является «чувство единства» и «понимание совпадения интересов». Но, как говорится, легко сказать.

Если взять Россию, где и этносы выступают акторами социополитического процесса, то ситуация крайне усложнится, ведь основной характеристикой полиэтничного государства является его суверенное право контролировать всю территорию. Г. С. Денисова отмечает, что «этнос как субъект политики выступает носителем потенциала разрушения целостности полиэтничной страны» [7, с. 47]. Она обращает внимание на то, что однозначно определить роль этносов «в политической жизни страны в настоящее время невозможно. Но совершенно ясно одно: включение этносов в политические конфликты и столкновения экономических интересов различных социальных групп, которые характерны для нашего общества в последнее десятилетие, существенно влияет на складывающиеся контуры новой российской государственности. Одним из проявлений этого влияния является усиление политической нестабильности» [7, с. 46]. Мысли, высказанные Г. С. Денисовой в 1996 г., сегодня также актуальны.

Идеи Э. Шилза относительно «чувства единства» и «понимания совпадения интересов» не чужды и в России. Мы уже говорили о поисках интегрирующей общество национальной идеи. Другое воплощение этих мыслей – поиск целостной системы теоретической идеологии на федеральном и региональном уровнях. Эти поиски вписываются в концепцию «Центр-периферия», но вряд ли содержат в себе потенциал ликвидации кризисных явлений, порождающих кризисное сознание. Не стоит закрывать глаза и на тот факт, что в настоящее время россиянина никакой идеологией не успокоишь. Чувство единства народа, региональных и центральных элит можно конституировать только через конструктивную политику: экономическую, социокультурную, национальную и т. д.

На основе сказанного можно заключить: сложное многосоставное общество, каким сегодня является Россия, где «де-факто» многие регионы и субъекты Федерации испытывают хроническую несогласованность как в прагматическом сотрудничестве, так и в области политического сознания, вряд ли подходит для реализации в практической жизни концепции «Центр – периферия». Казалось бы, наши рассуждения зашли в тупик: реализация концепции «Центр – периферия» применительно к современной России вряд ли возможна, но вместе с тем наличие «Центра» и «периферий» налицо.

Эта ситуация выявляет другой, весьма актуальный для России вопрос, точнее комплекс вопросов: *о структуре Центра, его жесткости и составе*, о характере отношений между центральными элитами и элитами второго плана. Можно сказать, что для России – это весьма сложные вопросы потому, что она (с известной долей условности) является послереволюционным обществом. А это означает, что она включает в себя неравномерно развивающиеся сообщества, возможно, сообщества различных типов в плане нарушения преемственности в социальной структуре, степени происходящих изменений при реализации демократических принципов и иных различий, связанных, например, с разными типами и механизмами связей с широкими слоями населения.

Ш. Эйзенштадт считает, что решающей по силе воздействия переменной, которая объясняет зависимость между структурой Центра и последствиями революций, является та либо иная способность Центра: «во-первых, мобилизовать ресурсы, необходимые для того, чтобы справиться с проблемами, сопутствующими переходу к цивилизации Нового времени; во-вторых, включить новых или потенциальных претендентов на участие и, в-третьих, установить связи с более широкими слоями общества в целях обеспечения строительства институтов» [8, с. 292].

В отличие от Э. Шилза, который не ставит серьезно вопрос о сопротивлении региональных элит Центру и соперничестве между ними и Центром (и между собой по горизонтали), Ш. Эйзенштадт, рассматривая послереволюционные общества, считает эти вопросы главными. Чем больше Центр способен мобилизовать массы, расширить круг участников, решающих проблемы переходного периода, создать и укрепить социальную базу строительства институтов, тем менее будут выражены разрушение преемственности в переходный период и степень насилия в обществе, будет менее резкой глубина разрыва и распада при переходе от дореволюционных к постреволюционным структурам. Ш. Эйзенштадт отмечает, что такие аспекты структуры Центра, как его замкнутость и состав, влияют на моделирование революционного процесса и его последствий.

Так, замкнутость Центра вызывает соперничество между элитами как внутри него, так и между периферийными элитами. Чем больше жесткость Центра, тем больше он использует принудительные меры, а развертывающаяся революция, равно как и ее последствия, будет тяготеть к насильственному характеру, разрыву с основаниями, образцами политической легитимности, так же как и с другими аспектами институциональной структуры дореволюционного режима [8]. Кстати, там же Ш. Эйзенштадт замечает, что преобразования в странах, которым удалось избежать революций, проходили более успешно, с меньшим насилием, например, в Скандинавских странах и Швейцарии. Заметим, что доводы, касающиеся замкнутости Центра и вызываемых ею социальных процессов перекликаются с выводами П. Сорокина о необходимости в демократическом обществе открытости каналов горизонтальной и вертикальной мобильности, что само по себе исключает такое свойство Центра, как замкнутость.

Выше мы анализировали доводы А. Лейпхарта о демократиях в многосоставных обществах. Он оспаривает положение о том, что демократия возможна лишь в обществах с высокой степенью однородности, обосновывает необходимость и возможность для многосоставных обществ так называемой общественной демократии. Это, во-первых. Во-вторых, были приведены данные исследования 114 политий Р. Даля, из которых следует, что чем выше уровень субкультурного многообразия, тем ниже полиархичность власти, а это, в свою очередь, ведет к разнообразным деструктивным противоречиям, вспышкам насилия, политической нестабильности, что снижает (а может быть, и сводит «на нет») демократичность обществ. И, наконец, в третьих, мысли Ш. Эйзенштадта по поводу зависимости, а точнее, причинно-следственной связи между степенью замкнутости Центра, его структурой и составом и особенностями революционных и постреволюционных процессов.

На основе выделенных нами трех пунктов в размышлениях различных исследователей можно с высокой степенью достоверности предположить следующее.

Установление и стабилизация демократических режимов, в данном случае – общественной демократии в многосоставных обществах, располагающихся на обширных территориях и характеризующихся величайшим субкультурным многообразием, теоретически и практически осуществимы. Но этот процесс в названных типах обществ проходит в условиях замкнутого Центра, противоречий между элитами, тяготения к насильственному характеру преобразований, разрыва с образцами и основаниями политической легитимности и иными аспектами институциональной структуры дореволюционного режима.

Перед тем, как сделать некоторые выводы, отметим еще один момент. Мы сознательно используем в данной логике рассуждений мысли ученых различных парадигмальных теорий. К

такому плюрализму побуждает сама мозаичность российской социальной реальности. На наш взгляд, сегодня невозможно адекватно изучать Россию, последовательно используя определенный теоретико-методологический инструментарий. Подведем некоторые итоги:

– демократия не обязательно требует для своего укоренения высокой степени однородности общества с точки зрения ценностей; «западность» и «незападность» не определяют демократию как политический строй;

– несмотря на то, что само понятие «демократия» не поддается конкретному определению, можно выделить два ее существенных признака: а) полиархичность власти и б) минимальное осуществление насилия по отношению к населению;

– чем выше субкультурное многообразие, тем ниже уровень полиархичности власти;

– территориально малые страны более успешно устанавливают демократические режимы;

– оппозиционность элит и политический плюрализм – факторы, препятствующие процессу демократизации;

– Россия является сложным многосоставным обществом, в котором каждый сегмент также многосоставен;

– споры о том, что для России лучше: сильная вертикальная власть или слаженные «горизонтальные» связи, вряд ли правомерны – речь должна идти о *системе* власти, ее структурных элементах и слаженных функциях; превалирование «горизонталей» или «вертикалей» содержит тенденцию к дестабилизации, саморазрушению;

– чем менее «замкнут» Центр, чем более он способен мобилизовать массы, создать и укрепить социальную базу строительства институтов, тем меньшей будет глубина разрыва и распада при укоренении демократического режима;

– установление и стабилизация демократических режимов в сложных многосоставных обществах, располагающихся на обширных территориях и характеризующихся величайшим субкультурным многообразием, теоретически и практически осуществимы. Но этот процесс в названных типах обществ проходит в условиях замкнутого Центра, противоречий между элитами, тяготения к насильственному характеру преобразований, разрыва с образцами и основаниями политической легитимности и иными аспектами институциональной структуры дореволюционного режима.

Литература

1. *Столяренко Л. Д.* Трансформация массового сознания россиян в транзитивном обществе. Ростов н/Д, 2000.
2. *Волков Ю. Г.* Политическое состояние общества Юга России в постперестроечное время: состояние, перспективы, ожидания // Государственное и муниципальное управление. 2000. № 3.
3. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.
4. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
5. *Этциони А.* Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
6. Цит. по: Макаренко В. П. Толерантность в контексте фундаментализма: аналитический подход // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001.
7. *Денисова Г. С.* Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. Ростов н/Д, 1996.
8. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

2 июля 2007 г.

В.В.Юрьева

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИЙ И ДИФФУЗИЯ НОРМАТИВНЫХ СТРУКТУР: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются социологические подходы в изучении инноваций: организационно-ориентированный и личностно-ориентированный. Анализируются их сравнительные характеристики под углом зрения социологического анализа диффузии инноваций как фактора формирования доверия в трудовых коллективах и экономического развития в переходной экономике.

Проблематика исследования, отраженная в статье, является одним из наиболее значимых направлений современного анализа процессов труда в экономической социологии.

Содержание развития социума и его составляющих опосредуется инновационными процессами. Само выявление приоритетности задач развития в различных условиях, образования совокупности системных принципов технического развития, формирования системы разнообразных, по природе воздействия, механизмов управления, выявления факторов повышения работоспособности человека в производственном процессе, построения корпоративных промышленных структур и т.д. уже предполагает инноватику и ее диффузию – процесс, посредством которого нововведение передается по коммуникационным каналам между членами социальной системы во времени, это распространение уже однажды освоенной и использованной инновации в новых условиях или местах применения. Возросший интерес и актуальность проблемы диффузии инноваций связана с потребностями совершенствования управления и необходимостью перехода к современной концепции менеджмента, соответствующей и способствующей развитию и совершенствованию рыночной экономики, что предполагает резкий поворот к интенсификации производства, переориентации предприятий на первоочередное и полное использование качественных факторов экономического роста. В социологическом плане проблема инноваций и их диффузии имеет как макро, так и микро составляющую. Развитие инноваций предполагает несколько этапов: инициирование, выявление, фильтрация, диффузия, адаптация. В свою очередь, диффузия (судьба инновации) может иметь разные формы: компенсации, сверхкомпенсации, усиления, дисперсии и изолирования[1].

Нетрудно заметить, что генезис и ход развития институционализации нормативных инноваций не просто носит накопительный характер, а его этапы генетически коррелирует с формами диффузии и адаптационными результатами. Более того, макросоциологическая и микросоциологические модели конгруэнтны. Это дает возможность распространения подходов и моделей на поиск рациональных систем менеджмента, соответствующих состоянию и потенциалу организации и коллектива для создания благоприятных условий работы в целях обеспечения инновационного развития и улучшения организации, модернизации производственного процесса, а также создания благоприятных условий для инноваций, выбора и обоснования надежных критериев, оценивающих качество нововведений, более точные оценки эффективности инноваторской деятельности и структурных подразделений организации, которые все еще представляют серьезную проблему в современных российских условиях.

Распространение инновации – это информационный процесс, форма и скорость которого зависит от мощности коммуникационных каналов, особенностей восприятия информации хозяйствующими субъектами, их способностей к практическому использованию этой информации и т. п. Здесь важна системность видения проблем развития и оригинальность подходов к их решению и, в первую очередь, мотивационным механизмам труда, хозяйствования и предпринимательства. Мотивационные механизмы играют первостепенную роль, так как формируют механизмы другой природы – экономические, организационно-правовые и политические, создавая хозяйственные механизмы нового типа – не мономеханизмы, а комплексный механизм управления. Нововведениями могут быть идеи, предметы, технологии и т. п., являющиеся новыми для соответствующего хозяйствующего субъекта. В фазе диффузии общественно-полезный эффект инновации перераспределяется, приводя к росту числа и изменений качественных характеристик участников процесса. Скорость и широта диффузии зависит от непрерывности инновационных импульсов.

Инновации часто рассматриваются в современных российских условиях как универсальный метод обеспечения оптимального технологического прогресса организации путем планируемого управленческого воздействия на социальную структуру предприятия. Однако инновация – это и комплексный социокультурный процесс, развивающийся по неким объективным законам, тесно взаимосвязанный с историей и традициями рассматриваемых социальных систем и кардинально преобразующий их структуру, и социально-психологический феномен, характеризующийся своим жизненным циклом, с особыми фазами, последовательностями и зависимостями происходящих в индивидах когнитивных и эмоциональных процессов [2]. Инновация – это особая сфера, система действий социального субъекта, направленная на совершенствование качеств социокультурного объекта и позволяющая актору приобрести в качестве вознаграждения желаемые ресурсы и положительную репутацию в глазах референтных аудиторий релевантного социального пространства. С другой стороны, инновация – это специфический логико-рациональный компонент поведения субъектов инновации, касающийся познания содержания восприятий и разнообразных концепций, а также нововведения качеств менталитета, когнитивных способностей индивида.

В современной социологии существует два подхода в изучении инновации: организационно-ориентированный и личностно-ориентированный. Термин «инновация» используется в организационно-ориентированном подходе как синоним понятия «изобретение» и относится к созидательному процессу, где два или более представления, идеи, объекта сочетаются вовлеченным в процесс социальным субъектом (агентом инновации) неким особым образом с целью сформировать ранее не существовавшую конфигурацию. Инновация выступает комплексом взаимосвязанных процессов и является результатом концептуализации новой идеи, направленной на решение проблемы и далее – к практическому применению нового явления. Нововведение интегрируется в систему в контексте процесса интенсификации процессов функционирования социальной системы. При идентификации инновационного процесса акцент делается на программируемом характере нововведений. Новизна измеряется не по отношению к обществу, а по отношению к исследуемой организации. Социальное изменение связано с инновационным процессом только на ранней стадии его диффузии, причем инновация может быть как причиной, так и следствием социальных нововведений, а результирующее изменение привносит в систему новые идеи (не только те, в которых есть необходимость). Процесс диффузии как нечто большее, чем простая сумма положительных решений многих индивидов, представляющих эмерджентное свойство подсистемы релевантного социального субъекта, возникает из согласия потенциальных реципиентов инновации с предлагаемыми нововведениями и частично является результатом взаимодействия этих единиц. Взаимодействия агента-сторонника и потенциального сторонника инновации содержат в себе это феномен. Структурно-функциональное изменение релевантной социальной системы становится результатом принятия и диффузии инновации.

Процесс распространения инновации по каналам коммуникаций к членам социальной системы и представляет собой диффузию. Изменение происходит, когда процесс диффузии, превращение инноваций в интегрированную часть нормативных образцов системы – и есть результат изменения в процессе диффузии. Положительное восприятие инновации членами социальной системы напрямую связана со степенью успешности диффузии. Когда инновация распространена и принята значительным количеством релевантных субъектов-реципиентов инновации в рамках данной системы ровно настолько, насколько можно говорить о регистрации влияния рассматриваемых факторов на систему в форме интегрирования инновации в нормативные образцы системы, тогда изменение в социальной системе признается состоявшимся. На стадии формирования установок к принятию инновации существенным является решение вопросов открытости по отношению к проблемам организационного развития. Открытость выражается в готовности членов организации рассмотреть инновацию, точно идентифицировать свои чувства по шкале «скепсис – оптимизм» и обрести уверенность в том, что инновация улучшит качество функционирования организации, формирования установок и решения. В данном случае организация выступает как система особых фильтров: искажения, «системной когеренции», стратификации, командности. В индивидуально-ориентированном подходе определенный новый социокультурный объект (новшество) становится частью набора образцов поведения

индивидов и одной из составляющих их когнитивной сферы, связанной с процессами интернализации [3]. Инновация рассматривается как изобретательская деятельность, когда особым образом пересекаются две ранее не связанные между собой системы – индивид и инновация. Инновация не является по отношению к социальному субъекту неким внешним объектом, а представляет собой восприятие индивида или социальной системы, устанавливающих наличие новизны, а практика может быть инновационной не для всех индивидов и социальных систем. Организационное восприятие соотносится с явлением символической адаптации и представляет собой функцию перцептивных процессов индивидов и одновременно функцию восприятия других релевантных организаций. Символическая адаптация связана с ситуацией, когда реципиент нововведений идентифицирует себя с другой организацией, подвергшейся подобным нововведениям. Перцепция зависит от физического состояния индивидов, контекста сложившейся ситуации, в которой находится организация. Восприятие исключительно субъективный характер феномен инновационного восприятия обусловлен адекватной оценкой социальным субъектом – потенциальным сторонником инновации состояния окружающей среды и прогнозом своего состояния (в контексте инновационного процесса в терминах приобретения - потери социальных преимуществ). С точки зрения социальной структуры, преобразование инновационной возможности в социальное действие связано с явлениями социальной мобильности – с реализацией актуальной или потенциальной способности агента инновации занять новую нишу в социальной иерархии благодаря появлению особой, стимулирующей активность, ситуации. Следствием инновации может стать как появление ряда новых, так и эрозия ряда ранее существовавших статусных позиций социальной структуры. Побуждение к инновации возникает в зависимости от результатов интерпретации. Инновация может характеризоваться как социальное действие, представляя собой результат интеграции потребностей с определенным стимулом. Побуждение к инновации активизирует созидательные когнитивные процессы. Важно, что фаза инициирования социальных нововведений и инновационного процесса часто связана с феноменами социального конфликта и коллективного торга [4]. Характеристики инновации являются переменными управленческих решений – теми факторами, которыми может манипулировать организационная система управления. Характеристика радикальности – чрезвычайно существенна: рутинности инновации – чем больше риска и новизны несут предлагаемые преобразования, тем выше степень их радикальности. Оценка информации о потенциале инновации связана с качеством каналов передачи информации. На процесс диффузии инновации и его конечные результаты сильно влияют факторы динамической окружающей среды, конституирующих феномены риска и неопределенности. Инновация – это процесс превращения неопределенности в риск, а риск и неопределенность являются функцией восприятия индивидом инновации в контексте сложившейся социальной ситуации. Поэтому инновационные решения классифицируются по уровню вовлеченности членов организации в различные стадии инициирования процесса принятия решений, а состояние агента принятия решения по функциям *уверенности, риска, неопределенности*. Неуверенность, неопределенность и риски порождают борьбу интересов социальных групп, а любой процесс социальных нововведений – явление политическое, именно поэтому фаза инициирования социальных нововведений и инновационного процесса часто связана с феноменами социального конфликта и коллективного торга. Дисфункции происходят тем чаще, чем радикальнее решения, вызывающие нововведения. Согласие с радикальной инновацией предопределяется политической системой организации, обеспечивающей легитимность преобразований. Радикальность исполнения является функцией сопоставления отношения количества нововведений к объему и качеству получаемых при использовании рассматриваемой инновации итоговых результатов с возможными показателями существующих альтернатив.

Структурная радикальность представляет собой такое качество воздействия уникальных свойств инновации на систему реципиента, при которой происходят значительные преобразования в базовых элементах и связях последней. Другим критерием оценки качества нововведения является социальная ценность инновации, заключающаяся в создании новых рабочих мощностей. Важным критерием оценки нововведения является его экономическая, потребительская ценность, успех на рынке – наличие определенного устойчивого круга потребителей инновации, а не научное его наполнение и не оригинальность решения. Эффективность инновационного процесса обеспечивается надежностью «стыков» его стадий,

скоростью перехода от любой предыдущей к любой последующей стадии, что обеспечивается созданием проектных групп. Осознание социальных издержек влечет за собою реакцию сопротивления, отторжения инновации индивидом (группой), подвергаемых риск у потенциальной утраты социального статуса, владельцем которой он является. Основная проблема управления преобразованиями, чрезвычайно сильно взаимосвязанная с факторами организационной культуры, заключается в возникновении феномена сопротивления нововведениям, агентом которого становится определенная социальная группа (ведь принятие инновации – результат группового решения, т.е. функция коллективного действия, выражающаяся в формировании группового консенсуса в отношении предлагаемого новшества). Под сопротивлением нововведениям понимается любое поведение члена организации, направленное на срыв и дискредитацию осуществляемых преобразований.

Нововведение дифференцирует структуру реципиента нововведений и формирует две подсистемы – потенциального сторонника и агента сопротивления новшеству. Данный феномен является прямым следствием фактора неопределенности, заключающегося в новшестве и воспринимаемого определенной частью индивидов как угрозу их стабильному положению в рамках существующей социальной системы. В качестве источника сопротивления часто выступают иллюзии индивида относительно собственной важности, а сопротивление нововведениям обратно пропорционально желанию индивида приобрести новый опыт и получить новое вознаграждение. Причины неприятия нововведений кроются в сфере сознания индивидов, вовлеченных в процесс нововведений, а состояние сознания и, следовательно, решение о качестве предпринимаемых субъектом действий, является функцией объективного положения индивида в организации. Сопротивление нововведениям может быть результатом, как влияния ситуативных установок, так и действия культурных, социальных и коммуникационных переменных. Фактором, формирующего сопротивление нововведениям, с точки зрения мотивационных аспектов, выступает любая удобная форма поведения (привычка) и поведение, эффективно решающее данную проблему с первого раза. Консервативный характер поведения определяется действующими установками, которые сами по себе являются фактором сопротивления.

Процесс инновирования, трудный сам по себе, особенно на стадии диффузии превращается в потенциально множественный по препятствиям и по результатам, протекающий по особым ритмам и в особой темпоральности пучок связанных между собой коммуникативных действий в организации и ее коллективе. Внутренняя и внешняя среда организации, а также природа инноваций и формируемые ситуации сложны в плане социологического измерения и специфичны в используемом инструментарии, что делает не всегда возможным прямые замеры и квантификацию процессов. Актуальный социологический инструментарий здесь – интервьюирование и различные методы социометрии [5]. Это – высший пилотаж, отличающийся потребностью формирования особой степени доверия между интервьюером и интервьюируемым актором. Самая большая трудность заключается в продолжительности процесса интервьюирования и сомнительности в преодолении скрытой «высокомерности» статусных позиций участников исследования. На помощь может прийти важнейшая характеристика инноваций – экономическая способность их внедрения. Этот модус более податлив к замерам и оценкам при помощи социологических опросов, но требуется оригинальный объект, а также серьезная подготовка и проведение опроса по тщательно и специально разработанной программе и методике.

Литература

1. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
2. *Управленческое консультирование.* В 2-х т. Т. 1 / Пер. с англ. М., 1992.
3. *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М., 1995.
4. *Цандер Э.* Практика управления: Опыт современного менеджмента предприятий ФРГ / Пер. с нем. 1992.
5. *Морено Я.Л.* Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2001.

5 июля 2007 г.

И.С. Якунина

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСТВА В ПЕРЕХОДНОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается динамика ценностных ориентаций современной студенческой молодежи, складывающихся в условиях транзитивной действительности современного российского общества. Система ценностей студенчества отличается неоднозначностью, которая является следствием специфики рыночной экономики России. В структуре ценностных ориентаций наметились новые аспекты, связанные с освоением так называемых «рыночных» ценностей. Прослеживается сохранение традиционных, базовых для российского общества предпочтений. Все также для современной молодежи большое значение имеет семья, дружба, любовь, труд и т.д. Изменения преимущественно затронули инструментальные ценности. Большое значение для адаптации в современном обществе стали иметь предприимчивость, прагматизм, рациональность, инициативность, энергичность, коммуникабельность.

Ситуация, которая сложилась в современной России, не могла не повлиять на ценностные ориентации студенчества. Экономический кризис, жесткая конкуренция при достижении определенных благ способствовали выдвиганию новых ценностей, новых способов адаптации к действительности. Для прогнозирования ценностного сознания общества большое значение имеет изучение трансформации мировоззрения молодежи и, в частности, студентов, так как формирующиеся сегодня представления будущей интеллигенции в ближайшей перспективе станут одним из существенных факторов выбора пути России, интенсивности ее развития.

Адаптироваться к совершенно новой системе ценностей, новым моральным характеристикам тех или иных жизненных целей и социальных действий по их достижению является непростой задачей для взрослого индивида, не говоря уже о молодом человеке, вхождение в общество которого и в более благоприятные периоды развития проходит не без социализационных кризисов. Современная молодежь, в отличие от представителей старшего поколения, проходящего все стадии своей социализации в период существования советского общества, живет в эпоху социальной трансформации, что заставляет ее выработать собственную систему ценностных ориентаций, соответствующую новым социально-экономическим условиям.

В сознании и поведении молодежи усиливается прагматизм, стремление к материальному достатку. Ценность материальной обеспеченности поднимается на лидирующие места в иерархии ценностных ориентаций значительной части молодежи, что отражает особенности времени. Деньги выступают не только источником средств к существованию и как условие удовлетворения потребностей в развлечении, но и являются существенным фактором в стремлении к самосовершенствованию и духовному росту. Имеет значение коммерциализация сферы молодежного досуга, туризма, спорта, которая становится все менее доступной для средне и малообеспеченных молодых людей.

Оценка рейтинга материальных факторов в структуре ценностных ориентаций студенчества представляет большой интерес. Независимо от пола, возраста, социального положения материальные ценности операционально фиксируемые с помощью разных эмпирических индикаторов (деньги, высокий заработок, материальный достаток, богатство), в качестве приоритетной жизненной цели занимают одну из ведущих позиций в структуре терминальных ценностей молодежи, соперничая с коммуникативными (верные друзья, хорошие отношения в семье) и трудовыми (интересная работа, дело по душе) ценностями [1, 62].

Следствием значимости материального благополучия является вполне естественное желание молодежи получать высокое материальное вознаграждение за творческий, интересный труд. В реальности это может обернуться ситуацией выбора: обеспеченная жизнь или любимая работа, профессия? Занимаясь интересной работой, люди не всегда имеют возможность получать за нее достойное вознаграждение. Снижение престижа и низкая оплата высококвалифицированного труда смещают выбор не в направлении профессиональных ценностей, что подтверждается тенденцией к ослаблению ориентированности на профессиональное мастерство.

Высокая трудовая мотивация иногда приводит скорее к снижению показателей уровня жизни, нежели к их повышению. А реализация иных, не связанных с трудом моделей самореализации, наоборот, оказывается эффективнее с точки зрения социальной адаптации. Эта ситуация закрепляется в молодежном сознании в виде доминанты инструментальных ориентаций, в условиях современного общества готовых превратиться в асоциальные формы поведения

(алкоголизм, наркомания, проституция, воровство, мошенничество, рэкет и т.п.). Как точно подметил Е.Н. Зарубин, «Профессиональная компетентность, общение, знакомство с духовными ценностями, поиск работы по призванию означает разрыв с моделью «адаптации», которая непрерывно продуцирует маргинализацию российского студенчества» [2, 22].

Современную молодежь нередко обвиняют в прагматизме, бездуховности, инфантилизме, отсутствии стойких идеалов и убеждений. Безусловно, для подобных оценок есть определенные основания. Однако несмотря на большое значение денег и материального благополучия в жизни студенчества, на ценностной шкале данные показатели «пропускают» вперед ценность крепкой семьи, что частично снимает эти обвинения и подтверждает мнение, что современное студенчество не утратило ориентации на традиционные ценности российского общества. Для студентов семейное самоопределение – приоритетная ценность, одна из самых важных ролей, которая проигрывается в студенческое время. Поиск семьи как условия стабильности, благополучия становится для многих стратегией поведения. Студенчество ассоциируется у молодежи с «приличным» общением, повышенным интеллектом, культурой поведения. Кроме того, вуз является еще и средством для удовлетворения потребности молодежи в семейной жизни.

Одновременно с этими процессами наблюдаются изменения в социальном статусе студенчества, связанные с семейным положением. Число студентов, состоящих в браке, сократилось с 11% до 6%, и имеющих детей, – соответственно с 4% до 3%. Несмотря на приоритетность семейного самоопределения как ценности, изменилось ее содержание. Не хотят иметь детей 26,6% опрошенных. Наблюдается лояльность отношения студентов к внебрачным половым отношениям (девушки 47,8%, юноши – 41,6%). Распространены гражданские браки (43% мужчин и 36% женщин считают возможным жить в незарегистрированном браке), повышается возраст вступления в брак у большинства молодых людей [2].

На перемены в содержании семейных ценностей молодежи повлияли многие причины: экономическое положение, мораль, стереотипы поведения. Не имея возможности закрепить свой профессиональный статус во время обучения, находясь в материальной зависимости от родителей, от общества и государства, молодые люди снимают с себя обязанности об ответственности перед другими, проявляя вынужденный инфантилизм. В современном переходном обществе становится важно знать, как проходит процесс политической социализации вузовской молодежи. Отношение молодежи к политике всегда было неоднозначным. В прошлом многие вопросы политической культуры входили в «запретную зону» для исследователей. Считалось общепризнанным, что все студенчество единодушно поддерживает политику и идеологию КПСС, безгранично предано идеалам социализма, проявляет высокую общественно-политическую активность, как патриоты и интернационалисты. Жизнь опрокинула эти стереотипы и показала, что студенчество дифференцировано в своем политическом облике. Политическая неоднородность была и в прошлом, однако в силу тогдашних условий не могла проявиться [3].

Современная вузовская молодежь отличается политической пассивностью, равнодушием к реформаторской деятельности властей. И это вполне понятно: студенчество давно уже не ощущает заботы государства о высшей школе, об интересах молодежи в целом. Симптоматичными в этом смысле являются ответы на вопрос: «Защищает ли государство интересы молодежи?». Отрицательно на него ответили 64,4% респондентов и только 6,3% сказали «да», что резко отличает современную молодежь от предшествующих поколений, считавшим государство своим главным защитником [4].

Похоже, в какой-то степени вакуум политической и социальной общности вузовская молодежь пытается компенсировать общностью религиозной. Однако следует отметить, что религиозность студенчества зачастую является поверхностной и противоречивой. Многих пугает ритуально-обрядовая сторона религии – регулярное посещение церкви, посты, молитвы, исповеди и т.д. 48,6% студентов не посещают храмов, 42,8% бывают там раз в месяц или реже, только 8,6% чувствуют потребность регулярно бывать за церковной оградой [4]. В большинстве своем молодые люди равнодушны к религиозной догматике, не знают ее и не хотят узнавать, их не интересует вопрос об истинности или неистинности церковной доктрины в целом или отдельных ее сторон.

В заключение хотелось бы отметить, что следствием кризиса и трансформации российского общества является процесс становления новой системы жизненных ценностей. Сегодняшняя модель взаимосвязанной системы ценностей, влияющих друг на друга, не позволяет создать обобщенной структуры ценностей студенчества. Единства общей культурной ориентации в студенческой среде не достигнуто. Система ценностей вузовской молодежи отличается некоторой

неоднозначность, размытостью. Противоречия, возникающие в структуре ценностей, отражают специфику рыночной экономики России, транзитивный характер нашего общества. Однако в сознании современного студенчества можно выделить некоторые общие тенденции: коллективизм постепенно сменяется индивидуализмом, студенты все больше переориентируются с общественных проблем на личные, наблюдается преобладание материальных ценностей над духовными.

В динамике ценностных ориентаций вузовской молодежи наметились новые аспекты, связанные с освоением так называемых «рыночных» ценностей. В то же время можно проследить сохранение традиционных, базовых для российского общества предпочтений. Все также для современной молодежи большое значение имеет семья, дружба, любовь, работа, образование. Изменения преимущественно затронули ряд инструментальных ценностей. Большое значение для адаптации в современном обществе стали иметь предприимчивость, прагматизм, рациональность, инициативность, энергичность, коммуникабельность и т.д. Такие инструментальные ценности помогают добиться материального успеха, но иногда вступают в противоречие с коммуникативными ценностями, связанными с потребностью в моральном оценивании, одобрении, определении соответствия своего поведения общепринятым образцам. Ориентация на дружбу плохо согласуется с прагматизмом и предприимчивостью.

Современная молодежь стремится к моральному равновесию, к созданию новой целостной системы ценностей. Однако этот процесс тормозит отсутствие идеалов, потеря устойчивой связи с ценностями культуры прошлых лет, использование ценностных образцов, чуждых российской ментальности. Доминирование материальных, статусных ценностей также не позволяют создать гармоничную структуру ценностей современного российского студенчества.

Литература

1. Вишневецкий Ю.В., Шапко В.Т. Студент 90-х – социокультурная динамика // Социологические исследования. 2000. №12.
2. Зарубин Е.Н. Социальная модель интеграции российского студенчества: проблема «минимизации» эффектов маргинализации. Ростов н/Д., 2004.
3. Добрусский М.Е. Студент – кто он? // Социологические исследования. 1994. №8-9.
4. Добрынина В., Кухтевич Т. Особенности и тенденции развития массового сознания студенчества (мегаполис, средний и малый города) // Альма Матер. Вестник высшей школы. 2003. №5.

12 июля 2007 г.